

Мечты — эпизод 2 из 3

Моя маменька из крепостных дворовых были. С виду я не похож на мужика, это точно, потому мне такая судьба вышла, добрый человек. Моя маменька при господах в нянюшках жили и всякое удовольствие получали, ну, а я плоть и кровь ихняя, при них состоял в господском доме. Нежили оне меня, баловали и на ту точку били, чтоб меня из простого звания в хорошие люди вывести. Я на кровати спал, каждый день настоящий обед кушал, брюки и полусапожки носил на манер какого дворянчика. Что маменька сами кушали, тем и меня кормили; им господа на платье подарят, а оне меня одевают... Хорошо жилось! Сколько я конфетов и пряников на своем ребячем веку перекушал, так это ежели теперь продать, можно хорошую лошадь купить. Грамоте меня маменька обучили, страх божий сызмальства внушили и так меня приспособили, что я теперь не могу никакого мужицкого, неделикатного слова сказать. И водки, парень, не пью, и одеваюсь чисто, и могу в хорошем обществе себя содержать в приличном виде. Коли еще живы, то дай бог им здоровья, а ежели померли, то упокой, господи, их душечку в царствии твоём, идеже праведные упокоются!

Бродяга обнажает голову с торчащей на ней редкой щетинкой, поднимает кверху глаза и осеняет себя дважды крестным знамением.

Пошли ей, господи, место злачно, место покойно! говорит он протяжным, скорее старушечьим, чем мужским голосом. Научи ее, господи, рабу твою Ксению, оправданием твоим! Ежели б не маменька любезная, быть бы мне в простых мужиках, без всякого понятия! Теперь, парень, о чем меня ни спроси, я всё понимаю: и светское писание, и божественное, и всякие молитвы, и катихизиц. И живу по писанию... Людей не забираю, плоть содержу в чистоте и целомудрии, посты соблюдаю, кушаю во благовремени. У другого какого человека только и есть удовольствия, что водка и горлобесие, а я, коли время есть, сяду в уголке и читаю книжечку. Читаю и всё плачу, плачу...

Чего ж ты плачешь?

Пишут жалостно! За иную книжечку пяточок дашь, а плачешь и стенаешь до чрезвычайности.

Отец твой помер? спрашивает Птаха.

Не знаю, парень. Не знаю я своего родителя, нечего греха таить. Я так об себе рассуждаю, что у маменьки я был незаконнорожденное дитё. Моя маменька весь свой век при господах жили и не желали за простого мужика выйтить...

И на барина налетела, усмехается Птаха.

Не соблюли себя, это точно. Были оне благочестивые, богобоязненные, но

девства не сохранили. Оно, конечно, грех, великий грех, что и говорить, но зато, может, во мне дворянская кровь есть. Может только по званию я мужик, а в естестве благородный господин.

Говорит всё это благородный господин тихим, слащавым тенорком, морща свой узенький лобик и издавая красным, озябшим носиком скрипящие звуки. Птаха слушает, удивленно косится на него и не перестает пожимать плечами. Пройдя верст шесть, сотские и бродяга садятся на бугорке отдохнуть. Собака и та свою кличку помнит, бормочет Птаха. Меня звать Андрюшка, его Никандра, у каждого человека свое святое имя есть и никак это имя забыть нельзя! Никак!

Кому какая надобность мое имя знать? вздыхает бродяга, подпирая кулачком щеку. И какая мне от этого польза? Ежели б мне дозволили идти, куда я хочу, а то ведь хуже теперешнего будет. Я, братцы православные, знаю закон. Теперя я бродяга, непомнящий родства, и самое большее, ежели меня в Восточную Сибирь присудят и 30 не то 40 плетей дадут, а ежели я им свое настоящее имя и звание скажу, то опять они меня в каторжную работу пошлют. Я знаю!

А нешто ты был в каторжной работе?

Был, друг милый. Четыре года с бритой головой ходил и кандалы носил. За какое дело?

За душегубство, добрый человек! Когда я еще мальчишкой был, этак годов восемнадцати, маменька моя по нечаянности барину вместо соды и кислоты мышьяку в стакан всыпали. Коробок разных в кладовой много было, перепутать не трудно...

Бродяга вздыхает, покачивает головой и говорит:

Они благочестивые были, но кто их знает, чужая душа дремучий лес! Может, по нечаянности, а может не могли в душе своей той обиды стерпеть, что барин к себе новую слугу приблизил... Может, нарочно ему всыпали, бог знает! Мал я был тогда и не понимал всего... Теперя я помню, что барин, действительно, взял себе другую наложницу и маменька сильно огорчались.